

Годы и судьбы

Из воспоминаний Таривердиева:

«Сошелся я с Эльдаром Рязановым на почве того, что он очень хотел научиться кататься на водных лыжах. Я тогда катался уже очень прилично. Дело происходило в Пицунде, в Доме творчества кинематографистов. Я всегда говорил, что нет человека, которого я не смогу научить «ходить» на водных лыжах. И вот таким человеком, единственным в моей жизни, оказался Эльдар. Потом я понял – не потому, что он не мог. Катер был слабый – обычная «Казанка» с мотором «Вихрь». А вес у Эльдара, сами понимаете... Ну никак не могла эта «Казанка» вытащить его из воды».

А знакомство композитора со знаменитым режиссером началось, можно сказать, с анекдота, похожего на сюжет картины «Ирония судьбы, или С легким паром», над которой впоследствии они вместе работали.

В том самом Доме творчества Эльдар Рязанов сидел на приступочке, ведущем в столовую, и напевал песенку «На Тихорецкую состав отправится...». Напевал и рассказывал друзьям, что эта народная песенка обязательно войдет в его новый фильм «Ирония судьбы». Мимо проходил Таривердиев, и он возмущился:

– Это песня не народная. У нее есть автор. Это моя песня.

Действительно, она была написана композитором много лет назад, когда он был еще студентом. Роллан Быков в то время тоже был студентом и ставил свой первый спектакль в театре МГУ. Ему нужна была песенка – веселая, послушливая. Позже ее исполнил Высоцкий.

Скоро режиссер попросил композитора прочитать сценарий, в который уже частично вошли стихи Елтушенко, Цветаевой, Ахмадулиной. Фильм-сказка. А о чем тогда музыка? И вот композитор с режиссером выстроили восемь романсов на стихи замечательных поэтов. Они выстраиваются по смыслу, о любви, о ревности, о доброте, о желаниях быть понятым... Музыка сначала звучит резким контрапунктом с тем, что происходит на экране – «Никого не будет в доме, кроме сумерек...». Но дальше эти ножницы между звуковым рядом фильма и изображением сближаются. Наивысшей точкой слияния стала песня «Мне нравится».

Когда только начались съемки, стали искать певцу. Пробовались многие. К тому времени на фестивале в Солоте Алпа Пугачева покорила публику песней «Арлекино». Решили предложить попробоваться и ей. Работали долго, около месяца, хотя исполняла она всего четыре романса. В итоге А. Пугачева записалась отлично.

МУЗЫКА, КОТОРАЯ ГОВОРИТ

Пять лет назад ушел из жизни замечательный композитор Микаэл Таривердиев. Он писал симфоническую и камерную музыку, музыку для балетов и опер, и конечно же, мелодии и песни к фильмам. Но мало кто знал, что композитор был заядлым спортсменом. Любовь к водным видам спорта он пронес через всю свою яркую, наполненную жизнь.

Таривердиев вошел в наш музыкальный мир через кинематограф. Он стал автором музыки более чем к ста тридцати фильмам. Еще студентом Гнесиновского института он написал музыку к своему первому фильму.

Из воспоминаний Таривердиева:

«Я учился на четвертом курсе, когда к нам в институт пришли ребята из ВГИКа, будущие режиссеры: Эльдар Шенгелая, Михаил Калкич и Эдик Абалов. Они снимали курсовую работу, картину по заказу Общества спасения на водах – комедию «Спасите утопающего». Они пришли к перерыву между лекциями и стали спрашивать, не напишет ли кто-нибудь музыку для этого фильма. Конечно, бесплатно. Все, что было связано с водой, будь то море, река или хотя бы пруд, меня очень интересовало. И я согласился. Написал музыку быстро. В главной роли, кстати, снималась студентка четвертого курса ВГИКа Людмила Гурченко, только ставшая звездой советского кино – по экранам шла «Карнавальная ночь».

За это фильм на конкурсе студенческих работ в Брюсселе я получил свою первую международную премию».

Водным спортом Таривердиев увлекался всегда. Студентом второго курса Гнесинки, в компании пяти своих однокурсников они отправились на шлюпку из Москвы в Астрахань. И доплыли. Путешествие продолжалось около трех недель. Весь путь шли на веслах. Шлюповались вместе с кораблями. Кидали конец и ходили в шлюз или с пассажирским кораблем или с баржей. Кстати, договорились об этом походе с яхт-клубом через Гнесинский институт. Целый день гребли, в ночь приставали к берегу, спали под открытым небом. Однажды шел проливной дождь, а они все гребли да гребли. Наконец увидели какой-то дебаркадер. Подошли к нему, зачалили лодку. Дебаркадер казался совершенно пустым – пароход отвалил утром. И улеглись прямо на полу. Как было мягко, как было тепло и уютно – лечь прямо на доски, положив куртку под голову и заснуть!

Андрей Вознесенский:

«Я помню время, когда считалось невозможным положить на музыку стихи таких поэтов, как Борис Пастернак, Семен Кирсанов, Евгений Винников. Таривердиев своими сочинениями доказал, что сложный стих обладает своей богатой музыкальностью. Он относится к текстам столь бережно. Его гравитозная манера не нарушала внутренней поэтической логики.

Песни тех лет, как правило, были рассчитаны на то, что их будут петь все. Было модно петь во время застолья. То, что делал Тари-

вердиев, было рассчитано исключительно на слушателей. Его песни переписывали, но их не пели».

Круг его интересов всегда был большим.

Однажды драматург В. Коростылев написал сценарий по сказке Гоцци, и вместе с режиссером Павлом Арсеновым они предложили Таривердиеву создать кинооперу.

Из воспоминаний Таривердиева:

«Мы начали работать. Было интересно потому, что это не мюзикл, а опера. Незадолго до этого прошла картина французского режиссера Дами-Шербуржские зонтики», и мы хотели сделать нечто подобное – минимум текста и максимум музыки. В это время я работал над своей первой оперой «Кто ты?», и весь курс Бориса Покровского из ГИТИСа, который принимал участие в постановке, мы задерживали и на съемках фильма «Король-олень».

В фильме снимались замечательные актеры – Ефремов, Табаков, Юрский, Яковлев... Съемки проходили в Ялте, и здесь произошла забавнейшая история. Микаэл Таривердиев и Олег Ефремов, заядлые рыболовы, в свободное время решили съездить половить рыбу. За ними уезжала женщина, совсем юная актриса Елена Соловей (в фильме она снималась в своей первой роли) Актёр и композитор рыбачили всерьез: взяли лодку и отплыли далеко-далеко. Но клевала рыба неохотно. Лене надоело просто наблюдать, и она попросила дать ей поудить. Удочка была, но вот крючка нормального не оказалось. Только тройник, здоровый и бессмысленный. Несадили на этот огромный крючок ветчины. Сидит она с этой удочкой и сидит. И вдруг звонок так восклицает: «Ой, я за что-то зацепилась!» Как зацепилась? Это же не река, море. Тянуть начали. Действительно, удочка идет с трудом. И вдруг из воды появляется огромная камбала. Голова – автомобильное колесо. Все вместе ковак рыбину втащили в лодку. Привезли в Дом творчества «Актёр», где жила съемочная группа. На кухне ее и поджарили. Хватили всем, еще и осталось».

Вспоминает жена и друг композитора Вера Таривердиева:

«Сколько у нас режиссеров перебивало! Дым стоял хоромысьем. С Романом Сергиенко произошла едва ли не мистическая история. Работали над картиной «По ком звонит колокол Чернобыля». Фильм страшный. Микаэл плохо спал ночь – кадры из фильма его не отпускали. Накануне они записали один из номеров и свели его с многоканального магнитофона на обычную пленку. Номер был целиком готов. Стоял теплый сентябрь, окна в студии были открыты. Вдруг из окна доносится мелодия, которую вчера записали. Такого быть не могло! Решили послушать запись, но пленки не оказалось. Она улетела в окно».

О дружбе со Львом Александровичем Кулиджановым вспоминает сам Таривердиев:

«Лева знал о моей любви к водным видам спорта. И вот однажды рездается звонок. – Слушай, Мика, продается корабль. – Какой корабль? – удивился я. – Речной трамвай! Сливившись. Тот, который по Москве-реке ходит. Очень, очень дешево. Может, купим поплавам? – Что же мы с ним будем делать? – У тебя же нет дачи. И у меня нет. Вот мы и сделаем из него прогулочную дачу. Мы тогда довольно много общались с Кулиджановым. Знакомы мы были давно, еще с Тбилиси. Он учился в одном классе с моим двоюродным братом. У них была большая компания. А я – как бы при них. Совсем мальчишечка, они меня всерьез не воспринимали, еще бы – солидные люди, учились уже в девятом классе, а я всего-навсего во втором. С годами, конечно, разница в возрасте стлавдилась, и когда мы встретились в Москве, то сошлись уже по-взрослому.

С Левой мы делали «Звездную минуту» – один из лучших документально-художественных фильмов о космосе, о Гагарине. Картина изрядно смонтирована. Писать музыку для нее было просто наслаждением.

В этот период Лева и позвонил мне с идеей покупки речного трамвая. Долго уговаривать меня не пришлось. Поехали в Химки, хотя и понимали, что это авантюра. Но трамвай действительно существовал. Списанный, но на ходу. По дороге стали представлять, как мы его купим, как покрасим, уберем скамеечки, сделаем открытую палубу. Приехали с Левой к нему домой. Жена его посадила нас уличать. Остановиться мы не могли и за столом возбужденно стали рассказывать ей о трамвае. Наташа, женщина замечательная и интеллигентная и выдержанная, долго молчала, а потом предложила назвать его «Корабль дураков». – Это будет самое правильное», – добавила она. Конечно, она была абсолютно права. И «Корабль дураков» мы так и не купили. Хотя стоил он баснословно дешево. Но лично я уже не мог остановиться, я заблел этой идеей».

ком готов. Стоял теплый сентябрь, окна в студии были открыты. Вдруг из окна доносится мелодия, которую вчера записали. Такого быть не могло! Решили послушать запись, но пленки не оказалось. Она улетела в окно».

О дружбе со Львом Александровичем Кулиджановым вспоминает сам Таривердиев:

«Лева знал о моей любви к водным видам спорта. И вот однажды рездается звонок. – Слушай, Мика, продается корабль. – Какой корабль? – удивился я. – Речной трамвай! Сливившись. Тот, который по Москве-реке ходит. Очень, очень дешево. Может, купим поплавам? – Что же мы с ним будем делать? – У тебя же нет дачи. И у меня нет. Вот мы и сделаем из него прогулочную дачу. Мы тогда довольно много общались с Кулиджановым. Знакомы мы были давно, еще с Тбилиси. Он учился в одном классе с моим двоюродным братом. У них была большая компания. А я – как бы при них. Совсем мальчишечка, они меня всерьез не воспринимали, еще бы – солидные люди, учились уже в девятом классе, а я всего-навсего во втором. С годами, конечно, разница в возрасте стлавдилась, и когда мы встретились в Москве, то сошлись уже по-взрослому.

С Левой мы делали «Звездную минуту» – один из лучших документально-художественных фильмов о космосе, о Гагарине. Картина изрядно смонтирована. Писать музыку для нее было просто наслаждением.

В этот период Лева и позвонил мне с идеей покупки речного трамвая. Долго уговаривать меня не пришлось. Поехали в Химки, хотя и понимали, что это авантюра. Но трамвай действительно существовал. Списанный, но на ходу. По дороге стали представлять, как мы его купим, как покрасим, уберем скамеечки, сделаем открытую палубу. Приехали с Левой к нему домой. Жена его посадила нас уличать. Остановиться мы не могли и за столом возбужденно стали рассказывать ей о трамвае. Наташа, женщина замечательная и интеллигентная и выдержанная, долго молчала, а потом предложила назвать его «Корабль дураков». – Это будет самое правильное», – добавила она. Конечно, она была абсолютно права. И «Корабль дураков» мы так и не купили. Хотя стоил он баснословно дешево. Но лично я уже не мог остановиться, я заблел этой идеей».

Из воспоминаний Таривердиева:

«С Родионом Щедриным я познакомился в Сухуми. У него была такая же сильная страсть к воде. Мы устраивали целые фэеринг на водных лыжах. Один за рулем, другой – на лыжах. Задача того, кто за рулем, сделать так, чтобы «лыжник» упал. И тот, кто за рулем, начинал закручивать лодку, а тот, кто на конце фала, не огромной скорости крутился вокруг. Все это продолжалось метрах в ста от плеча. Я помню случай, когда Родион во что бы ни стало решил меня свалить. Крутит и влево, и вправо, и скорость набирает. Но не гадаю!

Затем он сбавляет ход так, что я начинаю тонуть – катер-то почти не двигается. А на лыжах без скорости не устоишь. Я уже почти целиком погрузился.

– Скорость давай, Родион! Давай скорость! А он хохочет. И я понимаю, что он хочет сделать: когда я погружусь поглубже, вместе с лыжой-невольно отпущу фал, а значит, проиграв игру. Умру, но не отпущу. Пускай руки ото-

Там же, где продавали трамвай, композитору предложили небольшой спортивный катерок для буксировки водных лыж. И тоже дешево. Продавали его с местом, причалом и

даже с сарайчиком, такой будочкой, к которой он был приписан. Таривердиев заинтересовался этим предложением, стал изучать журналы и в конце концов решил купить катер. А когда купил, решил, что он должен быть красивым. В первый же между делами он метался по магазинам в поисках деталей для его катерка. Чего только он не приобрел для своего любимца!

Весной, где-то в мае, звонят композитору из яхт-клуба: «Приезжайте, надо катер покрасить и спустить на воду. Красить надо обязательно, иначе инспекция не пропустит». Покрасили его в белый цвет. Катер – загляденье! Маленький, двухместный. Прокатился на нем композитор, ощущения – ну, совершенно потрясающие. Но вскоре пришлось уехать, начались съемки очередной картины. Вернулся в конце сентября. Уже холодно, ни о каком катании и речи быть не может. Звонят из яхт-клуба: «Нужно поднимать катер на стельку. С вас две тысячи рублей». И так это продолжалось года три-четыре. За это время он прокатился на катере раз пять, не больше. И в конце концов решил продать игрушку – денег на него ушло уйма. А покупать никто не хочет. В общем, продан его за полцены. И сделал вывод: «Человек бывает счастливым дважды. Когда покупает катер и когда с ним расстанется».

В общем-то, катер для буксировки водных лыж в Москве Таривердиеву не был нужен. А вот летом, работая над музыкой, он обычно уезжал в Сухуми, в Дом творчества композиторов. Здесь было раздолье для всех видов водного спорта.

Здесь же, в Сухуми, композитор написал основные музыкальные темы к фильму «Семнадцать мгновений весны». Работа над картиной началась, как обычно, с телефонного звонка. Звонила режиссер Татьяна Лиознова, просила прочитать сценарий. Микаэл Лиознович не сразу дал согласие. В это время он работал над «Резидентом». Но, прочитав сценарий, страшно заинтересовался.

Из воспоминаний Таривердиева:

«Когда я пишу музыку к фильму, стараюсь поставить себя на место героя. Стал думать о том, что испытывает человек, много лет назад заброшенный в стан врага. Штирлиц – герой собирательный, но такие люди действительно были. Что же они должны были чувствовать? Мне казалось, что это чувство, кроме долга, еще и тоска по дому. А что такое тоска по дому? Это тоска по людям, по жене. Это очень романтично, но что-то не то. А может быть, все-таки тоска по небу, по своему небу? Ведь небо везде разное. Вот небо японское – оно другое, совершенно другое, чем в Москве. Небо другое в Америке, в Мексике... Я видел это. Оно другого цвета, оно вызывает другие ощущения. Я и сделал эту тоску. Не по березкам, а по небу. По русскому небу».

Так появилась «Песня о далекой родине», а потом «Мгновения», стихи к которым написал Роберт Рождественский и блестяще исполнил Иосиф Кобзон.

Картина имела оглушительный успех, а песни стали популярными на долгие годы. На фоне этого успеха пошла странная волна. Как-то на радио Таривердиеву заявили: «Нам зво-

рвет, но не отпущу». Я весь сжался, сгруппировался. Так и есть: он сделал круг, набрал ход и равнул фал. Я еще больше сжался. А фал так и не выпустил. Фал-то я не выпустил, а катер взлетел в воздух. Это же была легкая «Казанка», да на ней еще сидел мальчиш – мы всегда брали с собой ребенка, килограммов на 30-40, чтобы он сидел на носу – скорость увеличилась из-за того, что катер не поднимал нос из воды. Так вот, лодка взлетела в воздух и в воздухе переворачивается. В одну сторону летит ребенок, в другую – Родион. Слава Богу, в тот момент, когда они взлетели, он успел выключить двигатель. Иначе это была бы верная смерть. Потому что лодка с включенным двигателем без водителя начинает делать на полном ходу круги, которые сужаются и сужаются. До тех пор, пока круг не будет настолько мал, что она не перевернется и не затонет. А так она перевернулась в воздухе и упала на днючке. Крик стоял! На берегу – мама ребенка и Майя... Примчалась береговая охрана, скандал был страшный».

Здесь же, в Сухуми, композитор написал основные музыкальные темы к фильму «Семнадцать мгновений весны». Работа над картиной началась, как обычно, с телефонного звонка. Звонила режиссер Татьяна Лиознова, просила прочитать сценарий. Микаэл Лиознович не сразу дал согласие. В это время он работал над «Резидентом». Но, прочитав сценарий, страшно заинтересовался.

Из воспоминаний Таривердиева:

«Когда я пишу музыку к фильму, стараюсь поставить себя на место героя. Стал думать о том, что испытывает человек, много лет назад заброшенный в стан врага. Штирлиц – герой собирательный, но такие люди действительно были. Что же они должны были чувствовать? Мне казалось, что это чувство, кроме долга, еще и тоска по дому. А что такое тоска по дому? Это тоска по людям, по жене. Это очень романтично, но что-то не то. А может быть, все-таки тоска по небу, по своему небу? Ведь небо везде разное. Вот небо японское – оно другое, совершенно другое, чем в Москве. Небо другое в Америке, в Мексике... Я видел это. Оно другого цвета, оно вызывает другие ощущения. Я и сделал эту тоску. Не по березкам, а по небу. По русскому небу».

Так появилась «Песня о далекой родине», а потом «Мгновения», стихи к которым написал Роберт Рождественский и блестяще исполнил Иосиф Кобзон.

Картина имела оглушительный успех, а песни стали популярными на долгие годы. На фоне этого успеха пошла странная волна. Как-то на радио Таривердиеву заявили: «Нам зво-

рвет, но не отпущу». Я весь сжался, сгруппировался. Так и есть: он сделал круг, набрал ход и равнул фал. Я еще больше сжался. А фал так и не выпустил. Фал-то я не выпустил, а катер взлетел в воздух. Это же была легкая «Казанка», да на ней еще сидел мальчиш – мы всегда брали с собой ребенка, килограммов на 30-40, чтобы он сидел на носу – скорость увеличилась из-за того, что катер не поднимал нос из воды. Так вот, лодка взлетела в воздух и в воздухе переворачивается. В одну сторону летит ребенок, в другую – Родион. Слава Богу, в тот момент, когда они взлетели, он успел выключить двигатель. Иначе это была бы верная смерть. Потому что лодка с включенным двигателем без водителя начинает делать на полном ходу круги, которые сужаются и сужаются. До тех пор, пока круг не будет настолько мал, что она не перевернется и не затонет. А так она перевернулась в воздухе и упала на днючке. Крик стоял! На берегу – мама ребенка и Майя... Примчалась береговая охрана, скандал был страшный».

Здесь же, в Сухуми, композитор написал основные музыкальные темы к фильму «Семнадцать мгновений весны». Работа над картиной началась, как обычно, с телефонного звонка. Звонила режиссер Татьяна Лиознова, просила прочитать сценарий. Микаэл Лиознович не сразу дал согласие. В это время он работал над «Резидентом». Но, прочитав сценарий, страшно заинтересовался.

Из воспоминаний Таривердиева:

«Когда я пишу музыку к фильму, стараюсь поставить себя на место героя. Стал думать о том, что испытывает человек, много лет назад заброшенный в стан врага. Штирлиц – герой собирательный, но такие люди действительно были. Что же они должны были чувствовать? Мне казалось, что это чувство, кроме долга, еще и тоска по дому. А что такое тоска по дому? Это тоска по людям, по жене. Это очень романтично, но что-то не то. А может быть, все-таки тоска по небу, по своему небу? Ведь небо везде разное. Вот небо японское – оно другое, совершенно другое, чем в Москве. Небо другое в Америке, в Мексике... Я видел это. Оно другого цвета, оно вызывает другие ощущения. Я и сделал эту тоску. Не по березкам, а по небу. По русскому небу».

Так появилась «Песня о далекой родине», а потом «Мгновения», стихи к которым написал Роберт Рождественский и блестяще исполнил Иосиф Кобзон.

Картина имела оглушительный успех, а песни стали популярными на долгие годы. На фоне этого успеха пошла странная волна. Как-то на радио Таривердиеву заявили: «Нам зво-

рвет, но не отпущу». Я весь сжался, сгруппировался. Так и есть: он сделал круг, набрал ход и равнул фал. Я еще больше сжался. А фал так и не выпустил. Фал-то я не выпустил, а катер взлетел в воздух. Это же была легкая «Казанка», да на ней еще сидел мальчиш – мы всегда брали с собой ребенка, килограммов на 30-40, чтобы он сидел на носу – скорость увеличилась из-за того, что катер не поднимал нос из воды. Так вот, лодка взлетела в воздух и в воздухе переворачивается. В одну сторону летит ребенок, в другую – Родион. Слава Богу, в тот момент, когда они взлетели, он успел выключить двигатель. Иначе это была бы верная смерть. Потому что лодка с включенным двигателем без водителя начинает делать на полном ходу круги, которые сужаются и сужаются. До тех пор, пока круг не будет настолько мал, что она не перевернется и не затонет. А так она перевернулась в воздухе и упала на днючке. Крик стоял! На берегу – мама ребенка и Майя... Примчалась береговая охрана, скандал был страшный».

Здесь же, в Сухуми, композитор написал основные музыкальные темы к фильму «Семнадцать мгновений весны». Работа над картиной началась, как обычно, с телефонного звонка. Звонила режиссер Татьяна Лиознова, просила прочитать сценарий. Микаэл Лиознович не сразу дал согласие. В это время он работал над «Резидентом». Но, прочитав сценарий, страшно заинтересовался.

Из воспоминаний Таривердиева:

«Когда я пишу музыку к фильму, стараюсь поставить себя на место героя. Стал думать о том, что испытывает человек, много лет назад заброшенный в стан врага. Штирлиц – герой собирательный, но такие люди действительно были. Что же они должны были чувствовать? Мне казалось, что это чувство, кроме долга, еще и тоска по дому. А что такое тоска по дому? Это тоска по людям, по жене. Это очень романтично, но что-то не то. А может быть, все-таки тоска по небу, по своему небу? Ведь небо везде разное. Вот небо японское – оно другое, совершенно другое, чем в Москве. Небо другое в Америке, в Мексике... Я видел это. Оно другого цвета, оно вызывает другие ощущения. Я и сделал эту тоску. Не по березкам, а по небу. По русскому небу».

Так появилась «Песня о далекой родине», а потом «Мгновения», стихи к которым написал Роберт Рождественский и блестяще исполнил Иосиф Кобзон.

или из французского посольства. Французы протестуют против этого фильма, потому что музыка «Семнадцать мгновений весны» – содрма у композитора Франсиса Ляя, его фильма «История любви». Оказалось, что и в музыкальный отдел студии Горького тоже звонили – то ли из посольства, то ли прямо из Франции.

«Почвчалу было смешно, – вспоминал Таривердиев. – И я смеялся. А потом раздался звонок из Союза композиторов: «Приезжайте». Я приехал. На столе секретарши Хренникова лежит телеграмма: «Поздравляю успехом моей музыки в вашем фильме. Франсис Лей». Это было написано по-французски и тут же приколол листочек с переводом. Что за бред? Каквая-то шутка, наверное, и я в очередной раз посмеялся».

Но события покатились как снежный ком. «Микаэл Таривердиев украл музыку!»

«Друзья, – защищался композитор, – вы же знаете музыку Ляя, сравните! Может быть, там похож первый интервал, но похож только он, – одна интонация в самом начале. И это ничего не означает».

Дальше – больше. Музыку выкидывают из радиопрограммы, перестают передавать по телевидению. На творческих встречах Таривердиеву подают записки такого содержания: «Правда ли, что советское правительство заплатило сто тысяч долларов штрафа за то, что вы украли музыку?» Композитору не давали прохода, все это длилось несколько месяцев. Радость от успеха картины была перачеркнута. И Таривердиев решил найти Франсиса Ляя. Но как?

«Позвонил во французское посольство, попросил советника по культуре, – вспоминал композитор. – Тот прекрасно говорил по-русски, предложил мне встретиться. Встретились в Союзе композиторов».

– Господин Таривердиев, никто из посольства никогда не звонил. Нам очень нравится ваша картина. И даже если бы кому-то из нас пришло в голову, что музыка похожа на музыку Ляя, ну ужели вы думаете, что мы стали бы звонить на советское радио и телевидение? Да Бог с вами! Скажите лучше, как вам можно помочь?

– Я хочу найти Ляя. Мне нужно, чтобы он прислал телеграмму в Союз композиторов».

– Хорошо, – пообещал советник. – Приезжайте в посольство».

Мы еще выгляли кофе, он сел в машину и уехал. Я тоже поехал. А за мной пошла другая машина Черная «Волга». В нагугу, глухо. Совершенно не скрываясь. Куда я – туда и она. Время-то бражневское – тайные визиты в посольство, встречи с их работниками и даже звонки так просто не проходили. К тому же,

мне стали звонить корреспонденты зарубежных газет: «Господин Таривердиев, вас травят в Союзе композиторов. Дайте нам интервью». Но если я дам интервью, мне вообще никакой жизни не будет, придется уезжать. А как? Уезжать я не мог и не хотел. Здесь маяла больная, отец. А меня практически выталкивали. Отсюда выталкивали свои, а туда втаскивали чужие. Постоянно какие-то корреспонденты перед домом дежурили. Я решил играть ва-банк – позвать в посольство и по правой связи найти Ляя. По дороге вижу – у меня на хвосте висит машина. Прямо история со Штирлицем! Принимаю решение – еду домой, звоню другу. Только набрал номер, щелчок. Я его сразу услышал.

– Меня преследуют корреспонденты американских, французских и немецких газет. Травят в Союзе композиторов, на радио и телевидении мне все это надоело. Я решил идти до конца. Я сделаю это».

мне стали звонить корреспонденты зарубежных газет: «Господин Таривердиев, вас травят в Союзе композиторов. Дайте нам интервью».

Но если я дам интервью, мне вообще никакой жизни не будет, придется уезжать. А как? Уезжать я не мог и не хотел. Здесь маяла больная, отец. А меня практически выталкивали. Отсюда выталкивали свои, а туда втаскивали чужие. Постоянно какие-то корреспонденты перед домом дежурили. Я решил играть ва-банк – позвать в посольство и по правой связи найти Ляя. По дороге вижу – у меня на хвосте висит машина. Прямо история со Штирлицем! Принимаю решение – еду домой, звоню другу. Только набрал номер, щелчок. Я его сразу услышал.

– Меня преследуют корреспонденты американских, французских и немецких газет. Травят в Союзе композиторов, на радио и телевидении мне все это надоело. Я решил идти до конца. Я сделаю это».

И бросил трубку. Жду. Через двадцать минут звонок в дверь. Входят два мальчика вполне интеллигентного вида, показывают комитетские книжки.

– Мы в курсе дела. Знаем, что с вами происходит. Сейчас вы готовы сделать швг, последствия которого должны понимать».

– Я все понимаю, но что мне делать?

– Вы хотите связаться с Леем? Мы попробуем вам помочь».

Лей нашлся. Прислал телеграмму. Был возмущен тем, что меня и его оклеветали.

Говорят, что это был розыгрыш Никиты Богословского. Вообще похоже. Но не доказано».

Стояло знойное, безоблачное лето. В Сухуми Микаэл Таривердиев работал над партитурой оперы «Граф Калиостро». Приехал Родион Щедрин.

– Слушай, я привез потрясающую игрушку.

– Какую?

– Виндсерфер!

– А что это такое?

– Доска с парусом. Я привез «Мистраль» из Паркова».

Оказалось, что серф можно приобрести и здесь, рядом, в Поти. Уже через день они осваивали невиданное чудо. Все происходило на пляже, на глазах публики. Малейший ветерок дует – летят кубарем под общей смех. Людям интересно смотреть, как Щедрин и Таривердиев плюсаются в воду. Причем падать-то не страшно. Но сверху на тебя падает и парус, и мачта. Синяки, шишки! К концу первого меся-

ца они научились. Так пролетело первое лето с серфом».

А когда композитору должно было исполниться пятьдесят, отказался от всех концертов, юбилейных торжеств и улетел в Сухуми. Родион Щедрин тоже был там. Купили две бутылочки коньяка, совсем малютки, грамм по пятьдесят, засунули их в плашки и отошли на серфах от берега метров на семьсот. Стоял хороший день, хорошая вода, хороший ветер. Они сложили паруса, опустили их, сели на доски и, болтая ногами в воде, распили эти крохотные бутылочки. Это и был юбилей. Самый необычный и самый приятный из всех, которые были до и после».

Материал подготовили Алексей СРЕБНИЦКИЙ и Руслан ШАХМАЛИЕВ